

Kalmykia and Kalmyks in Post-Perestroika Period (Analysis of the Republican Press from September, 1991 till November, 1992)

The article is devoted to the problems of Kalmyk Republic (Khalmg Taryn) in post-perestroika period. The end of perestroika was marked by destruction of economic links, AIDS (more than 20 persons including 17 children died), economic, political and psychological results of deportation in 1943—1957, disappearance of Kalmyk language and Buddhist culture in consequence with national and social deal of CPSU and Soviet Government during the last 70 years. The first steps of Kalmyk national revival are the following: carried a Law of president ruling in the Republic (the first elections were worked up the legislation of citizenship, land and language. There are established contacts with foreign compatriots from France and U. S. A. realised in humanitarian aid. Congresses of Kalmyks and Kalmyk living peoples took place and carried decisions concerning national and state revival. Especial progress is achieved in culture, exactly in language teaching in school, high school and even kindergartens. 5 Buddhist praying houses are opened, the construction of the first Khurul began. The first ruling of the Buddhist community by the Tibet Buddhist Center headed with Dalay-Lama is established.

N. L. Zolotarevskaya

© 1993 г., ЭО, № 2

А. С. Петриковская

АВСТРАЛИЙСКИЙ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ: ОПЫТ ЭТНИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Австралию долгое время причисляли к «белым» доминионам Великобритании. Европейское происхождение основного этнического массива страны декларировалось в демографической и иммиграционной доктрине «белой Австралии», которая преграждала путь прежде всего азиатским соседям и определяла официальную политику с конца XIX в. и до 1973 г. Сегодня Австралийское Содружество — полиэтническое государство, где насчитывается около 100 этнических групп, говорящих на 75—100 языках, не считая общеупотребительного английского и языков австралийских аборигенов¹. И вот уже два десятилетия принципы межэтнических отношений и этнического развития в этой стране выражаются термином «мультикультурализм».

Австралийский мультикультурализм — понятие многозначное. Оно подразумевает и этническую неоднородность населения, и политику федерального правительства — с вариациями в штатах, и, наконец, идеологию плюралистического сосуществования культур в едином национально-государственном контексте².

Мультикультурализм возник в результате изменений этнической ситуации в стране, к которым привела эволюция иммиграционного законодательства. Переселенческие программы сопутствовали всей истории Австралии — «страны иммигрантов». Однако в крупных масштабах иммиграция стала планироваться и осуществляться лишь после второй мировой войны. Реальная угроза военного вторжения в редконаселенную страну с огромной территорией породила алтернативу — «заселите или погибнете!». Большое значение имели и нехватки рабочих рук, обостренная низкой рождаемостью в период «великой депрессии» 30-х годов, и рост и перестройка обрабатывающей промышленности. Первым федеральным департаментом иммиграции, образованным в июле 1945 г., был

поставлена задача: годовой прирост населения увеличить за счет притока новых австралийцев на 1%.

Послевоенная Австралия вербовала иммигрантов чрезвычайно активно и целеустремленно. Число осевших на пятом континенте после 1945 г. приближается к 5 млн., чему немало способствовали, с одной стороны, продолжительность благоприятной экономической конъюнктуры в далеком краю, с другой — военные и социальные потрясения в Европе и Азии. Более половины (53,7%) приехавших в 1946—1980 гг. получили от австралийского государства субсидию, покрывавшую или сокращавшую транспортные расходы³. В настоящее время правом на субсидированную иммиграцию пользуются лишь имеющие статус беженцев.

В 1990 г. иммигранты в первом и втором поколениях составляли 40% от 17-миллионного населения Австралии: половина из них родилась в других странах, у другой половины по крайней мере один из родителей — иммигрант. Пик иммиграции (185 тыс. новоселов в 1969/70 фин. г.) пришелся на «минеральный бум», когда находки богатейших залежей полезных ископаемых открыли перед Австралией многообещающие экономические перспективы. Максимальное снижение иммиграции (53 тыс. чел. в 1975/76 фин. г.) было вызвано экономическим кризисом и требованиями профсоюзов уменьшить конкуренцию на рынке труда. Квота 1990/91 фин. г. — 125 тыс. чел., в том числе 64 тыс. по статье воссоединения семей или при наличии родственника-спонсора, 50 тыс. — обладатели квалификации, желательной для австралийской экономики, и бизнесмены, 11 тыс. — беженцы. На этнические процессы оказывает влияние и временная иммиграция (работа по приглашению компаний: на период «рабочих каникул» и др.), которая может быть достаточно длительной.

У 25% иммигрантов — небританские этнические корни. Доля британцев, приоритетной и самой многочисленной группы поселенцев, в общем потоке сокращается. В то же время расширяется круг поставщиков иммигрантов: Италия, бывшая Югославия, Греция, Мальта, Германия, Нидерланды, Польша, бывший Советский Союз, Ливан, Турция, Индия, Вьетнам, Малайзия, Гонконг, Камбоджа, Филиппины и мн. др. Все этнические общины Австралии, за исключением аборигенной, образовались в ходе иммиграции. Наиболее крупные из них: итальянская, греческая, китайская, югославская, арабская, немецкая (последняя полная перепись 1986 г. зарегистрировала по признаку родного языка соответственно 416 тыс., 277 тыс., 139 тыс., 125 тыс., 119 тыс. и 111 тыс. чел.⁴). Русская община — около 55 тыс. чел.⁵

Речь идет об этнодисперсных группах — этнотерриториальные образования в Австралии отсутствуют. Земельные права коренных австралийцев — потомков древнейших обитателей континента и их положение в настоящее время — особый вопрос, который не рассматривается в данной статье, хотя общие установки мультикультурализма распространяются и на эту часть населения. До двух третей неанглоязычных иммигрантов сосредоточено в штатах Новый Южный Уэльс (НЮУ) и Виктория. В их столицах имеются кварталы более или менее компактного проживания новых австралийцев — Чайна-таун и Малая Мальта в Сиднее, итальянский в Мельбурне — городе, где также очень много греков. Встречаются и сельские поселения той или иной этнической окрашенности. В ирригационной зоне Маррумбиджи (НЮУ) 85% фермеров-садоводов — итальянцы; в долине Баросса (Южная Австралия) виноделием и виноградарством традиционно заняты немцы. Поселки иммигрантов возникли на орошаемых землях Квинсленда, где выращивают сахарный тростник и табак, вокруг рудников в глубинных районах.

Географическая изоляция позволяла Австралии вплоть до последней трети XX в. осуществлять жесткий контроль над иммиграцией, направленный на сохранение однородности «истинно британской» нации. Однородность, впрочем, была относительной. Часть населения составляли, как уже говорилось, перепоселенцы, но они в расчет не принимались ввиду архаичности их социальной

организации, да и число их до 1930-х годов убывало. Ирландцы, шотландцы и уэльсцы, на протяжении веков жившие бок о бок с англичанами, при сохранении особенностей своей культуры и быта не выпадали из британского слоя. Представители небританских народов воспринимались обществом скорее как второстепенное дополнение к основному этническому массиву.

Британским иммигрантам неизменно отдавалось предпочтение как родственному и, следовательно, наиболее благоприятному человеческому компоненту — тенденция, как будто противоречившая послевоенному государственно-политическому отдалению Австралии от Англии⁶, но в действительности соответствовавшая стереотипу независимого «австралийского британца», иначе говоря англоавстралийца, и восходившая к идеологеме Австралии как новой Британии. А. Колуэлл, первый министр по делам иммиграции, заверял в 1946 г., что «на каждого иммигранта-иностранца будет десять человек из Соединенного Королевства»⁷.

Поскольку британская иммиграция, несмотря на финансовые льготы и режим наибольшего благоприятствования, количественно не оправдала возлагавшихся на нее надежд, Австралия обратилась к другим источникам и заключила соглашения с рядом стран и Межправительственным комитетом по европейской иммиграции. Поощрялась иммиграция немцев и голландцев, близких англоавстралийцам в этнокультурном отношении. 1960-е годы отмечены массовым появлением выходцев из Южной Европы — из Италии, Мальты, Греции, Югославии, а также стран Ближнего Востока. В 1970-е годы пришел черед жителей Юго-Восточной Азии.

Небританская иммиграция росла за счет беженцев. Собственно, если ограничиться второй половиной XX в., то начало ей было положено 170 тысячами беженцев и перемещенных лиц второй мировой войны. После венгерского восстания 1956 г. Австралия приняла 14 тыс. венгров, после политического кризиса 1968 г. в Чехословакии — 5700 чехов и словаков. Первые вооруженные столкновения в Ливане «вытолкнули» 15 тыс. ливанцев, а изменения политической карты Индокитая в 1975 г. — около 70 тыс. вьетнамцев, лао и кхмеров⁸.

Иммиграция из Азии долго оставалась табуированной: Австралия националистов — «свободная, белая и великая». В барьере против «чуждых» рас были пробиты бреши в 60-е годы, когда азиатский фактор, усиленный значением Японии и стран Юго-Восточной Азии как торговых партнеров стал одним из главных во внешних связях Австралии. Общественное мнение начинает реагировать на акты явной расовой дискриминации: студенты пикетируют мельбурнский отель, отказавшийся принять науруанок, вызывает протест депортация малайцев — искателей жемчуга. В 1965 г. Австралийская лейбористская партия (АЛП) устраняет пункт «белой Австралии» из своей платформы. Правящая либерально-аграрная коалиция слегка смягчает иммиграционный режим, и лица неевропейского происхождения могут получить австралийское гражданство, но в порядке исключения: в случае брака гражданином Австралии, при наличии у претендента выдающихся достоинств — высокого образовательного и профессионального уровня или значительного капитала.

Лейбористское правительство Г. Уитлема, придя к власти в 1972 г. отменило ограничения на въезд по признакам страны происхождения, расы и цвета кожи. Если в 1947 г. уроженцы Азии составляли всего 0,3% населения Австралии, то в 1986 г. — 3,4%, а в 1989 г. — 4,3%, или около 700 тыс. чел. В Австралии проживают (данные 1989 г.) уроженцев Вьетнама — 108 тыс., Ливана — 71 тыс., Малайзии — 70 тыс., Филиппин — 60 тыс., Индии — 57 тыс. Сянган (Гонконг) — 46 тыс.⁹

Многофакторная зачетная система отбора иммигрантов (по сумме очков) отнюдь не привела к отсеву кандидатов из Азии. Образовательный уровень прибывающих из Малайзии, Гонконга и Сингапура настолько высок, что

позволяет им успешно конкурировать с австралийцами в свободных профессиях. Большинство кандидатов, обладающих достаточным капиталом, чтобы получить визу по программе деловой иммиграции, опять-таки из Гонконга, Малайзии и с Тайваня. В 1988 г. впервые в федеральный парламент был избран иммигрант из Азии — китайка Х. Шем-Хо.

Параллельно с изменениями состава населения шло формирование общих и специфических интересов этнических групп — экономических, политических, культурных, и к началу 70-х годов проблема иммигранта вышла за рамки бытовой и социальной адаптации и приобрела осязаемую этносоциальную остроту.

Иммиграция обеспечила Австралию большой армией труда, которая используется на менее привлекательных и достаточно тяжелых работах: в освоении пустынных территорий тропического Севера и Северо-Запада, в строительстве, в сталелитейной и горнодобывающей промышленности. Почти половина рабочих металлургических заводов в Порт-Кембла (НЮУ) и 40% рабочих автомобильной промышленности — «новые австралийцы». Их доля среди мельбурнцев, занятых непосредственно в промышленности и строительстве, и того выше. Не владея языком, испытывая материальные трудности, иммигрант становится разнорабочим, тем более что квалификационные свидетельства, полученные им на родине, далеко не всегда признаются.

Разумеется, иммигранты — это не только рабочая сила низших эшелонов, но и врачи, инженеры и техники, предприниматели (главным образом владельцы кафе, кондитерских, магазинов, малых предприятий, работающих на подряде), а также специалисты по новейшим технологиям, спрос на которых пока не удовлетворяется австралийской системой образования, что поощряет приток мозгов из других стран.

Существенно, однако, что социальное продвижение соотносится с этнической принадлежностью и страной выхода. Так, иммигранты из Южной Европы (греки, югославы) легко пополняют ряды «синих воротничков», а женщины из этого региона обычно заняты неквалифицированным трудом в сфере обслуживания¹⁰. Небританский иммигрант чаще находится на периферии рынка рабочей силы, соглашается на худшие условия, опасается за свое будущее. В пору кризиса 1970-х годов рост безработицы острее всего почувствовали кроме аборигенов иммигранты из стран Ближнего Востока, Южной Европы и беженцы из Юго-Восточной Азии. Сокращение производства, которое транснациональные корпорации предпочитают расширять в зонах более дешевого труда, ведет к эрозии занятости в иммигрантских пригородах. К тому же путь новоавстралийца осложняется национальными предрассудками, бытовым антагонизмом, негласной, но все еще распространенной дискриминацией при найме на работу, повышении в должности, контактах с государственными службами. Правительственные обследования, проведенные в 1980-е годы, констатировали, что иммигранты — все еще ущемленный слой общества.

Расселение иммигрантов в поисках работы, а в каких-то случаях и сопряженное с повышением социального статуса, приводило к ослаблению групповой общности. Однако взаимное культурное тяготение членов группы, подпитываемое связями с исторической родиной, и приверженность традициям сохранялись, вступая в противоречие с характерной для 40—60-х годов политической установкой на быстрейшую ассимиляцию. Эта политика, нивелировавшая иноэтническое и, следовательно, чужое, зиждилась на представлении о превосходстве англосаксонской культуры или, по крайней мере, естественности ее господствующего положения. Еще в 1968 г., когда в научных кругах и в коридорах власти уже носились идеи культурного плюрализма, министр иммиграции Б. Снедден (Либеральная партия) резко возражал: «Я совершенно убежден, что у нас должна быть монокультура, когда у всех один и тот же образ жизни, все понимают друг друга и разделяют одни и те же чаяния. Нам не нужен плюрализм». Вряд ли Б. Снедден мог предположить,

что пройдет каких-нибудь 10 лет и другой министр-либерал — И. Макф сравнит иммигрантские культуры с дарами, обогащающими ткань австралийского общества, которое «благодаря разнообразию этнических корней становится более терпимым и открытым миру»¹¹. Между тем установка на решительную ассимиляцию уже при Снеддене была анахронизмом, отчего в середине 60-х годов Отдел ассимиляции в департаменте, ведающем иммиграцией переименовали в Отдел интеграции.

Представления об интеграции не отличались четкостью и подразумевали то ли амальгаму всех этнических компонентов, не оставшихся без изменений в «плавильной печи», то ли отложенную ассимиляцию¹². Но сама смена ориентира означала признание того факта, что в Австралии существуют различные этнические общины, и облегчила создание добровольных этнических организаций (ЭО), чему так долго сопротивлялись ассимиляторы. На первых порах ЭО брали на себя преимущественно функции социальной помощи. Общество социального обеспечения австралийских греков, Комитет помощи итальянцам.

Борясь за власть с либерально-аграрной коалицией, правившей Австралией без малого четверть века, лейбористы учли и усиление реэмиграции по мере послевоенного возрождения Западной Европы, и рост электорального влияния иммигрантов, сосредоточенных к тому же в промышленных пригородах и истари оплотах АЛП. Одним из пунктов предвыборной программы АЛП 1972 г. стало удовлетворение социальных требований иммигранта, недовольного низкооплачиваемой работой, дороговизной и качеством жилья, медицинским обслуживанием и образования.

Победив, лейбористы гораздо решительнее, чем их предшественники, принялись привлекать самих иммигрантов к решению их проблем. Начали действовать Иммигрантские оперативные силы (Migrant Task Force) — группа активистов, готовивших доклады для властей по социально-экономической, правовой и культурной ситуации в общинах. В штатах были образованы Советы этнических общин. В 1973 г. в программной речи Эла Грасса министра по делам иммиграции в кабинете Г. Уитлема, впервые прозвучало слово «мультикультурализм», знаменующее поворот к новой и долговременной политике. «Концепция, которую я предпочитаю, — нация как семья», — сказал Грассби, очевидно, имея в виду семью этносов¹³.

Австралийский мультикультурализм возник на волне реформ, начатых правительством Г. Уитлема, в атмосфере подъема и жажды социального обновления. За минувшие годы его концепция как действующая программа не раз формулировалась, уточнялась и изменялась. Укажем на официальные документы-ступени: «Австралия как мультикультурное общество» (1977), доклад правительственной комиссии под руководством Ф. Гэлбалли (1977), «Мультикультурализм и его значение для иммиграционной политики» (1977), «Перспективы мультикультурного образования» (1979), «Мультикультурализм: для всех австралийцев: наша развивающаяся национальная общность» (1980), доклад комиссии Дж. Джаппа (1986), доклад комиссии Ст. Фицджеральда (1988), «Национальная повестка для мультикультурной Австралии» (1988). Суть разных определений можно свести к следующим основным измерениям: учет этнического многообразия населения при сохранении целостности общества, равенство возможностей граждан любой национальности и расы в сферах труда и политики, создание условий для сохранения культурного наследия культурной самобытности этнических меньшинств (в рамках закона и парламентской демократии).

Что касается инструментария новой этнической политики, ее архитекторы исходили из того, что нужды иммигрантов должны в целом удовлетворяться программами и службами, доступными всему обществу, но для реального достижения этого необходимы еще специальные службы и программы, ра-

работанные и действующие на основе всесторонних консультаций с потребителями и всяческого поощрения самостоятельности этнических общин¹⁴.

Директор Центра иммиграционных и мультикультурных исследований Австралийского национального университета (АНУ) Дж. Джапп выделяет три периода в истории мультикультурализма в Австралии: первоначальной эйфории (1973—1977), когда при поддержке лейбористского правительства создавались разного рода этнические организации; консолидации и достижения консенсуса между лейбористами и либералами (1978—1982); разочарования и отступления (1983—1988), когда консерваторы решили, что государство зашло слишком далеко в политике недискриминационной иммиграции и поддержке этнических меньшинств¹⁵. О нынешнем, четвертом периоде будет сказано ниже.

Обе ведущие политические партии Австралии, Лейбористская и Либеральная, перешли на позиции культурного плюрализма, ибо в новых условиях потребовали корректив и традиционный национализм АЛП, и англофильство либералов. Различия в подходах проистекали из различий в социальной философии. Социал-демократическая идеология предпочитает модель социального обеспечения, которая бы исключила наличие обиженных групп. Философия свободного рынка исходит из помощи только тем, кого можно рассматривать как жертву, явление социальной патологии: новые правые в Австралии, подобно их единомышленникам в Англии и США, — противники роста государственных расходов и государственного регулирования. Если лейбористы в 80-е годы настаивали на увеличении представительства иммигрантов в доминирующих общественных структурах, то либералы поощряли частнопредпринимательскую деятельность иммигрантов как залог процветания общины, обязанной прилагать максимум усилий для своего благосостояния¹⁶.

Но практически мультикультурализм 70—80-х годов — политика двухпартийная, ориентированная на самостоятельность этнической группы: с центрами ресурсов для иммигрантов, этническими организациями и этническими школами, при умеренной финансовой поддержке государства (федеральные учебные и культурные программы, социальное обеспечение, оплата труда штатных сотрудников ЭО и др.) и вовлечении лидеров общины, обычно из среднего класса, в разработку этнической политики и распределение ассигнований. Особо следует подчеркнуть успешное развитие языковых программ и этнических средств массовой информации, в первую очередь финансируемой государством национальной службы этнического радиовещания и телевидения Эс-Би-Эс. Издается свыше 100 газет на трех десятках языков (правда, тираж многих из них падает по мере сокращения населения, не владеющего английским языком).

Мультикультурализм возник как «политика для иммигрантов» и на уровне обыденного сознания трактуется так и поныне. Это — сужение проблемы: упускается из вида всеобщая заинтересованность во взаимообогащении культур. Более того, гипертрофия этнической самобытности и в условиях Австралии может увлечь за ту опасную грань, когда особые интересы перерастают в обособленность, разрывая согражданство в пределах одного государства. Поэтому «политика для иммигрантов» закономерно превратилась в «мультикультурализм для всех». Это лекарство от сепаратизма, как надеется его пропагандист, социолог Е. Зубжицки, не позволит группам «процветать на периферии общества и за его счет, но инкорпорирует этнические институты в основную социальную структуру общества»¹⁷. В плане реализации человеческого потенциала ЭО должны обеспечить то, чего не в силах дать общеавстралийское устройство. «Позитивная дискриминация», т. е. закрепление культурных отличий вплоть до культурной изоляции, может разрушить «уже хрупкую ткань австралийского общества» и объективно снизить шансы индивида на социальный успех в большей по масштабу системе. «Мультикультурализм для всех» предполагает, что культура этнической общности — не «окаменелость», остающаяся неизменной с того момента, когда члены общины

работанные и действующие на основе всесторонних консультаций с потребителями и всяческого поощрения самостоятельности этнических общин¹⁴.

Директор Центра иммиграционных и мультикультурных исследований Австралийского национального университета (АНУ) Дж. Джапп выделяет три периода в истории мультикультурализма в Австралии: первоначальной эйфории (1973—1977), когда при поддержке лейбористского правительства создавались разного рода этнические организации; консолидации и достижения консенсуса между лейбористами и либералами (1978—1982); разочарования и отступления (1983—1988), когда консерваторы решили, что государство зашло слишком далеко в политике недискриминационной иммиграции и поддержке этнических меньшинств¹⁵. О нынешнем, четвертом периоде будет сказано ниже.

Обе ведущие политические партии Австралии, Лейбористская и Либеральная, перешли на позиции культурного плюрализма, ибо в новых условиях потребовали корректив и традиционный национализм АЛП, и англофильство либералов. Различия в подходах проистекали из различий в социальной философии. Социал-демократическая идеология предпочитает модель социального обеспечения, которая бы исключила наличие обиженных групп. Философия свободного рынка исходит из помощи только тем, кого можно рассматривать как жертву, явление социальной патологии: новые правые в Австралии, подобно их единомышленникам в Англии и США, — противники роста государственных расходов и государственного регулирования. Если лейбористы в 80-е годы настаивали на увеличении представительства иммигрантов в доминирующих общественных структурах, то либералы поощряли частнопредпринимательскую деятельность иммигрантов как залог процветания общины, обязанной прилагать максимум усилий для своего благосостояния¹⁶.

Но практически мультикультурализм 70—80-х годов — политика двухпартийная, ориентированная на самостоятельность этнической группы: с центрами ресурсов для иммигрантов, этническими организациями и этническими школами, при умеренной финансовой поддержке государства (федеральные учебные и культурные программы, социальное обеспечение, оплата труда штатных сотрудников ЭО и др.) и вовлечении лидеров общины, обычно из среднего класса, в разработку этнической политики и распределение ассигнований. Особо следует подчеркнуть успешное развитие языковых программ и этнических средств массовой информации, в первую очередь финансируемой государством национальной службы этнического радиовещания и телевидения Эс-Би-Эс. Издается свыше 100 газет на трех десятках языков (правда, тираж многих из них падает по мере сокращения населения, не владеющего английским языком).

Мультикультурализм возник как «политика для иммигрантов» и на уровне обыденного сознания трактуется так и поныне. Это — сужение проблемы: упускается из вида всеобщая заинтересованность во взаимообогащении культур. Более того, гипертрофия этнической самобытности и в условиях Австралии может увлечь за ту опасную грань, когда особые интересы перерастают в обособленность, разрывая согражданство в пределах одного государства. Поэтому «политика для иммигрантов» закономерно превратилась в «мультикультурализм для всех». Это лекарство от сепаратизма, как надеется его пропагандист, социолог Е. Зубжицки, не позволит группам «процветать на периферии общества и за его счет, но инкорпорирует этнические институты в основную социальную структуру общества»¹⁷. В плане реализации человеческого потенциала ЭО должны обеспечить то, чего не в силах дать общее-австралийское устройство. «Позитивная дискриминация», т. е. закрепление культурных отличий вплоть до культурной изоляции, может разрушить «уже хрупкую ткань австралийского общества» и объективно снижает шансы индивида на социальный успех в большей по масштабу системе. «Мультикультурализм для всех» предполагает, что культура этнической общности — не «окаменелость», остающаяся неизменной с того момента, когда члены общины

Канберре и столицах всех штатов. Специальный канал делает ее доступной на всей территории Австралии.

Программа образования для взрослых иммигрантов опирается на высшие учебные заведения в каждом штате и предусматривает изучение английского языка (так называемый «курс по прибытии») в общежитиях для вновь прибывших, в дневных и вечерних классах, на предприятиях и на дому силами учителей-добровольцев, а также заочные и телевизионные формы преподавания.

Консультативный совет по мультикультурным делам (Advisory Council of Multicultural Affairs — АСМА) и Бюро по мультикультурным делам (Office of Multicultural Affairs — ОМА) функционируют при премьер-министре Австралии. АСМА — связующее звено между кабинетом министров и общественностью этнической группы. Его постоянные члены — видные деятели общин, в основном из неанглоязычной среды. ОМА — часть департамента премьер-министра и кабинета — контролирует проведение в жизнь мультикультурной политики, разрабатывает рекомендации правительству, подготавливает аналитические материалы, выступает инициатором информационных и образовательных программ. Это консультативный и исследовательский центр, усилиями которого выполнен ряд работ, рассматривающих различные аспекты мультикультурализма. ОМА ближе, чем АСМА, к политической жизни. Оба органа разрабатывают «Национальную повестку для мультикультурной Австралии» охватывающую и долгосрочные, и быстро осуществимые программы.

В «Национальную повестку» входят исследовательские, просветительские и учебные программы, направленные на улучшение действующих механизмов удовлетворения этнических интересов и регуляции межэтнических отношений на понижение порога «этнической чувствительности» в основных областях жизнеустройства. Так, в области права Австралийской комиссии законодательных реформ предложено рассмотреть те статьи законов (семейное, уголовное, договорное право и др.), которые противостоят культурным ценностям этнических меньшинств; выяснить обеспеченность судопроизводства переводчиками; обсудить желательность специального закона о мультикультурализме.

Стратегия «доступа и беспристрастности», т. е. доступности любой социальной службы и беспристрастности властных структур в решении проблем иммигранта, многоступенчата и поначалу требует от государственных агентств определения препятствий и разработки директивных линий. Значительно внимание уделено устранению дефицита информации. Национальная кампания информирования этнических меньшинств о здравоохранении, начатая в 1990 г ставит задачей распространить знания об услугах, предоставляемых департаментом здравоохранения каждому, и о специальных программах, адресованных наиболее нуждающимся группам. Федеральное Бюро защиты потребителей подготавливает радиопрограммы, публикации и рекламу, адресованные непосредственно греческой, ливанской и вьетнамской общинам, и т. д.

Изучается статус неанглоязычного иммигранта как потребителя государственных услуг, пересматриваются критерии оценки зарубежных квалификационных свидетельств, устраняются языковые и культурные барьеры²⁶.

Под эгидой ОМА работает Национальный компьютерный банк данных по изучению мультикультурной Австралии и иммиграции (The Multicultural Australia and Immigration Studies database — MAIS). Банк учитывает все австралийские и частично зарубежные исследования указанной тематики. Пок единственный в мире общественный банк такого профиля — MAIS располагает 21 тыс. документов (1991 г.), фиксирующих исследования по иммиграции этнической политике и практике в Австралии, проблемам национально-самобытности и сохранения культурного наследия, языковой политики мультикультурного образования, экономического значения иммиграции, зан

тости, трудовых взаимоотношений и социального обеспечения этнических меньшинств, расизма и национальных предрассудков. Особо выделен комплекс информации, связанной с беженцами. Доступ к MAIS открыт без ограничений как для организаций, так и для частных лиц²⁷.

С конца 80-х годов ОМА делает главный упор на консультациях с общинами, для чего создана сеть посредников.

К аудитории этнических меньшинств обращена Специальная служба вещания (SBS, Эс-Би-Эс), независимая, учрежденная специальным законом корпорация, финансируемая государством, как и национальная радио- и телекомпания Эй-Би-Си. В распоряжении Эс-Би-Эс — радиостанции 2ЕА в Сиднее и 3ЕА в Мельбурне, а также трансляционные станции, обслуживающие крупные промышленные центры восточного побережья Ньюкасл, Уоллонгонг и Брисбен. 2ЕА и 3ЕА ведут передачи ежедневно по 18 часов, 2ЕА — на 59, 3ЕА — на 55 языках. Чтобы оценить это достижение, укажем, что с 1950 по 1974 г. неанглоязычное вещание ограничивалось и занимало не более 2,5% программного времени (в 1972 г. — 36 часов в неделю на всей территории Австралии)²⁸. Новости, местные и с родины, информация по устройству в Австралии, культурные проблемы, развлекательные и музыкальные программы, открытая трибуна, уроки английского и родных языков — таково содержание передач. Федеральный бюджет этнического радио — 13,6 млн. долл. (1988/89 фин. г.)²⁹.

Правительство также субсидирует этнические программы радиостанций общественного сектора, который развивается с 1973 г., дополняя национальное и коммерческое вещание. Работает около 20 (1989 г.) радиостанций, которые занимаются мультикультурным вещанием, — этнических, общественных и коммерческих, в основном рассчитанных на население отдельных округов, пригородов, небольших городов. В 1988/89 фин. г. Фонд общественного вещания распределил между ними 1,39 млн. долл.

В ведении Эс-Би-Эс находится и этническое телевидение, работающее с 1980 г. Передачи Эс-Би-Эс — ТВ принимаются в столицах штатов и региональных центрах, а в большинстве провинциальных городов — через Австралийскую спутниковую систему (AUSSAT). Примерно половина программ сопровождается титрами на английском языке и пользуется популярностью у общеавстралийской аудитории. Бюджет мультикультурного телевидения — 43 млн. долл. (1988/89 фин. г.).

В Новом Южном Уэльсе и Виктории мультикультурные радиостанции опекает Совет штата по этническому вещанию.

Австралийский совет, федеральный орган, распределяющий государственные ассигнования на культурные нужды, поддерживает на конкурсной основе и культурные инициативы этнических общин, коллективные и индивидуальные (этнические фестивали — итальянский «Карнавале», например, выступления фольклорных ансамблей, организация художественных выставок, работа писателя или художника над конкретным произведением и т. п.). В структуре Австралийского совета — три комиссии: по литературе, изобразительному искусству и ремеслам, исполнительскому искусству. Управление по муниципальному культурному развитию (A Community Cultural Development Unit), примыкающее к Австралийскому совету, поддерживает так называемое мультикультурное искусство. Иммигранты принимают участие в работе муниципальных культурных центров и мастерских.

Австралийский совет может назначить творческую стипендию писателю из иммигрантов, а также оказать содействие в издании книг, адресованных новым австралийцам и отражающих этническое и культурное многообразие страны. Субсидии на культурные нужды распределяет и Мультикультурный фонд 200-летия Австралии.

На уровне штата ответственность за положение этнических меньшинств, как и в центральном правительстве, возложена на одного из членов кабинета.

Премьер-министр НЮУ до недавнего времени являлся министром по этническим делам. В 1992 г. произошло разграничение обязанностей. Западная Австралия ввела пост министра по мультикультурным делам. В Квинсленде имеется Департамент по этническим делам.

Комиссия по этническим делам штата (Ethnic Affairs Commission) — консультативный, координационный и исследовательский орган, который содействует реализации мультикультурной политики. Первая из таких комиссий была учреждена в 1977 г. в Новом Южном Уэльсе. Фактически имеет статус государственного департамента: 13 членов назначаются премьер-министром штата, в аппарате до 80 служащих, годовой бюджет — 4 млн. долл. Благодаря законодательной инициативе комиссии с 1984 г. всем департаментам и вузам штата вменено в обязанность представлять ежегодные отчеты по этническому компоненту в их деятельности. Этнические комиссии образованы во всех штатах, за исключением Квинсленда и Тасмании, где иммигрантов относительно немного.

На низовом уровне этническая община нуждается в поддержке органов местного самоуправления (финансирование, обеспечение помещениями, разрешение открыть школу и т. п.).

Замыкает эту цепь генераторов и проводников мультикультурной политики добровольная этническая организация (ЭО), представляющая общину как объект и субъект культурного процесса. В стране насчитывается свыше 2300 ЭО. Они активно занимаются вопросами социальной помощи и ориентации, изучения родного языка и культуры, сохранения религиозно-культурных традиций и форм внутриэтнического общения. Обычно ЭО базируются в городских районах компактного проживания иммигрантов — их центры, успевшие завоевать авторитет, остаются в однажды избранной зоне столичного города, несмотря на изменения в географии расселения. Существуют и объединения в масштабе штата и страны — Совет по социальному обеспечению австралийцев арабского происхождения, Камбоджийский консультативный совет Австралии и др. Пирамиду венчает Федерация советов этнических общин (Federation of Ethnic Communities' Councils of Australia).

Этнически окрашена и деятельность религиозных организаций, прежде всего тех конфессий, где большинство верующих небританского происхождения. Увеличение численности мусульман привело к образованию исламских обществ, включая объединившиеся по этническому и страновому признакам: Турецкое исламское общество Виктории, Ливанская мусульманская ассоциация Нового Южного Уэльса.

Механизм мультикультурной политики строится на постоянном взаимодействии федеральных и штатных структур, ЭО и системы просвещения. Последняя является важнейшим инструментом сохранения и развития этнических культурно-исторических традиций и ценностей и выхода их в единое культурное пространство для цивилизованного общения, позволяющего индивиду осознавать себя и в родной, и в разноплеменной культурах. Не беремся утверждать, что австралийская система просвещения вполне соответствует этим требованиям, но во всяком случае она обогатилась новым элементом — мультикультурным образованием, для которого понадобились и новые структурные звенья: Национальный консультативный и координационный комитет по мультикультурному образованию, Австралийский консультативный совет по изучению языков и мультикультурному образованию, координационные комитеты штатов.

Мультикультурное образование подразумевает насыщение учебных программ, прежде всего школьных, компонентами, рассчитанными как на иммигрантов из неанглоязычной среды, так и на всю аудиторию, а именно: социокультурные дисциплины (разделы дисциплин), которые должны укрепить в детях иммигрантов позитивную этническую самооценку и одновременно познакомить всех учащихся с культурами небританских этносов; программы

двуязычного обучения; преподавание английского языка как второго, неродного; преподавание языков иммигрантских общин. Кроме того, рекомендуется включение в штат учителей с зарубежными дипломами и переподготовка учителей-австралийцев в плане понимания мультикультурных проблем. Существует и несколько иная точка зрения на мультикультурное образование, которая ограничивает его преподаванием языков общин и этнических культур в учебных заведениях общего типа, преподавание же английского языка как второго относит к «образованию для иммигрантов», а занятия по родному языку и культуре, которые община организует только для своих членов, — к «этническому образованию»³⁰.

В последнем случае имеется в виду федеральная Программа этнических школ, действующая с 1981 г. Благодаря ей до 700 общин открыли классы (вне государственной школьной сети), где дети иммигрантов изучают в совокупности свыше 50 языков: итальянский (67% из 200 тыс. учащихся), греческий (10%), китайский (5,3%), арабский (4,5%), вьетнамский (2,2%), испанский, немецкий, польский, турецкий, иврит и др.³¹. В каждом штате создана Ассоциация этнических школ.

Этнические общины располагают и конфессиональными школами. Ислам — вторая после христианства по числу верующих религия в Австралии, и в 80-е годы в Сиднее и Мельбурне открылось несколько мусульманских начальных школ, в Сиднее построена средняя школа с обычной и исламской программами. Есть и школы греческие православные, лютеранские, ливанских маронитов.

На уроках этнической культуры школьники получают сведения по истории и религии, узнают обычаи народа или народов, готовятся к национальному празднику преобладающей в округе этнической группы, кое-где обучаются традиционным ремеслам, девочки — домоводству. Исследователей беспокоит, что этнические уроки нередко дают упрощенное представление о культурах меньшинств — набор стереотипов, подчеркивающих культурно-бытовые отличия («полька и спагетти»), тогда как желательны выработка более широкого взгляда на мир, введение конкретного этнического материала в контекст универсальных проблем воспитания человека и законов человеческого общежития, избавление от расистских предрассудков³².

Преподавание языков определяется Национальной языковой стратегией, принятой правительством в 1987 г. на основе доклада Постоянного сенатского комитета по образованию и искусству. Государственные ассигнования на 1987—1991 гг. — 93,3 млн. долл., которые распределяются между ключевыми программами, начиная с программы изучения и сохранения языков аборигенов. Программа изучения второго языка поощряет изучение в школах еще одного языка, помимо английского. Какого именно — решает местная администрация органов образования. Наряду с языками, важными для экономического развития, японским например, может быть выбран и язык этнической общины: около 2 млн. австралийцев в семейно-бытовом общении пользуются не английским, а своими национальными языками.

Программа изучения английского как второго языка рассчитана на детей из иммигрантских семей. Финансируются и дополнительные занятия с преподавателями-предметниками, пока учащиеся с трудом воспринимают содержание урока на плохо понятном им английском; организуются классы интенсивного обучения для недавно приехавших. Языковую помощь получают около 100 тыс. учащихся в государственных школах и 75 тыс. — в частных.

Программа мультикультурных и межкультурных дополнений выделяет средства высшим учебным заведениям и другим учреждениям на корректировку учебных курсов и насыщение их инокультурными и общеупотребительными языковыми элементами с учетом этнических характеристик местного населения. Это касается специальностей, сопряженных с интенсивными человеческими контактами (медицина и здравоохранение, право, бухгалтерское дело и коммерция, взаимоотношения в промышленности и управление, преподавание,

социальное обеспечение, работа в библиотеках и архивах, туризм). Кроме того, финансируется исследовательская и социолингвистическая деятельность Национального института языков Австралии, оказывающего практическую помощь языковому образованию.

Программа изучения Азии призвана расширить изучение языков и культур Востока. Ежегодно выделяется 1 млн. долл. на подготовку педагогов-востоковедов. В осуществлении этой программы сотрудничают администрации государственного и частного секторов образования.

Потребности общин и мультикультурное образование породили спрос на культурно-просветительскую и учебную литературу. Издательство педагогической литературы «Острэйлиен эдьюкейшнл пресс» выпускает серию «Австралийское этническое наследие»: «Немцы в Австралии», «Венгры в Австралии», то же о ливанцах, поляках и других группах. Педагогическая специализация и у этнического издательства «Ходжа эдьюкейшнл рисорсиз кооперейтив». Другое издательство, «Дежери этник пабликейшнз», основанное в 1975 г. венгром Э. Дежери, публикует книги для чтения с параллельными текстами на двух языках, предназначенные для средней школы, а также произведения писателей-иммигрантов.

Очевидно, что успех мультикультурализма зависит не только от возможностей, формально открытых для иммигранта и этнической общины, но и от просвещения общества в духе этнического равноправия и культурного плюрализма, от правовых гарантий против расовой и национальной дискриминации. 31 октября 1975 г. федеральный парламент принял закон, запрещающий расовую дискриминацию (The Racial Discrimination Act). На правовой фундамент опираются специализированные государственные структуры: Комиссия по правам человека и равным возможностям, Комиссия по государственным службам, Антидискриминационное бюро по вопросам расовой дискриминации, Антидискриминационное бюро Нового Южного Уэльса, весь аппарат мультикультурной политики, а также общественные организации — Кампания против расовой эксплуатации в Западной Австралии, Комитет против дискриминации австралийцев арабского происхождения и др.

Вопросы межэтнических отношений находятся в поле зрения многих неправительственных организаций и объединений — общинных, религиозных, профсоюзных. Австралийский совет профсоюзов подготавливает ежегодный обзор проявлений расизма. В администрацию профсоюзов и молодежных организаций включают сотрудника, ответственного за связи с этническими общинами и решение вопросов, имеющих этнический аспект. Экуменический центр иммиграции полагает одной из главных своих задач улучшение межэтнических отношений, которое рождается из понимания вклада той или иной группы выходцев из дальних стран в общее благосостояние.

Уже сама многочисленность антирасистских застав указывает, что Австралия поныне далеко не свободна от инфекций этнической розни и вражды, готовых проявиться в острой форме при провоцирующих обстоятельствах. Где-нибудь у проезжей дороги можно натолкнуться на щит с надписью: «Азиаты, убирайтесь домой». Пассажирку-мусульманку заставили сойти с поезда, потому что она отказалась снять вуаль, закрывавшую лицо. Мусульмане и буддисты встречают сопротивление муниципальных властей, когда обращаются за разрешением на строительство мечети, храма или монастыря в округе. Агенты по продаже недвижимости и сдаче в наем квартир объявляют жилище уже занятым, как только узнают, что претендент — «инородец». И таких жалоб поступают десятки в Антидискриминационное бюро НЮУ. Бывают и случаи грубого насилия, угрожающего жизни, нанесение серьезного материального ущерба. Спектр расовой, национальной, религиозной предубежденности и культурного неприятия достаточно широк, причем к традиционным, уходящим корнями в глубь австралийской истории феноменам (негативное отношение англоавстралийцев к аборигенам, китайцам, евреям; протестантов — к католикам и

наоборот) прибавились и прискорбные традиции такого рода, привнесенные общинами послевоенной иммиграции.

Вспыхивают конфликты, спровоцированные реакцией на внешне-политические осложнения, в которых участвуют страны происхождения иммигрантов. Так, в 1990 и 1991 гг., в период кризиса и войны в Персидском заливе, имели место многочисленные факты оскорблений, угроз и бесчинств, направленных против арабо-мусульманских общин, в среде которых находила поддержку политика Саддама Хусейна (с финансовой помощью Ирака на окраине Сиднея выстроена мечеть, носящая его имя)³³.

Но важно, что националистический экстремизм встречает общественное осуждение, конфликты широко освещаются средствами массовой информации и обсуждаются, акты насилия и вандализма влекут судебное вмешательство, как это было после поджогов азиатских ресторанов в Западной Австралии членами неонацистской партии³⁴. Система контрмер работает, хотя и не всегда достаточно оперативно и слаженно. Продвижение по пути добрососедства требует синтеза всех стратегий, нейтрализующих дискриминацию: «равных возможностей занятости, антирасистского образования, разбирательства жалоб тех, кто пострадал от расистского обращения, законодательства, наказывающего за поношения на расовой почве, языковой политики, соблюдения условий трудового контракта»³⁵.

За два десятилетия, минувших с тех пор, как в Канберре был взят курс на мультикультурализм, написаны десятки статей и книг, посвященных этой политике и проблемам, ее породившим³⁶. Возникла целая отрасль научных исследований. При нескольких университетах образованы центры изучения полиэтничности, наиболее значительные при Австралийском национальном и Уоллонгонгском университетах. В критиках мультикультурализма, как уже говорилось, нет недостатка, включая тех, кто пророчит ему быстрое исчезновение вследствие естественных ассимиляционных процессов: границы общины размываются, и иммигрант в третьем поколении нуждается скорее в символическом историко-культурном подтверждении своего происхождения, чем в гарантированной государством поддержке своего жизненного выбора. Однако демонтаж уже работающего механизма выражения и удовлетворения этнических интересов вряд ли был бы встречен этническими меньшинствами с одобрением, чему уже были доказательства.

Нынешний, или четвертый, этап в развитии мультикультурализма, если вернуться к периодизации, предложенной Дж. Джаппом, это период обновления концепции и поисков более эффективных путей поддержания равновесия между партикулярно-этническим и общегражданским. Л. Джайасурия, глава отделения социальной работы и социальной администрации в Университете Западной Австралии, считает, что пора переходить от «догматов культурного плюрализма к плюрализму демократическому» — ориентироваться не только на сохранение этнической идентичности и «стиля жизни», но и на «шансы в жизни» — достижение экономического и социального благополучия, возможность индивидуального или коллективного общественного влияния. Л. Джайасурия предвидит, что структурная перестройка австралийской экономики, диктуемая глобальными изменениями в мировом хозяйстве, отрицательно скажется на положении этнических меньшинств, в особенности наиболее уязвимых групп — молодежи, женщин, новоприбывших³⁷. Но есть резоны и у Снейи Ганью, изучающей литературное творчество иммигрантов, когда она возражает против того, чтобы разводили в разные стороны культурный плюрализм и этническую политику, привязанную к социальным реформам: «Всякий, кто вовлечен в борьбу за изменение учебников и учебных программ или вокруг того, что публикуется и рецензируется, знает, что подлинные сражения ведутся именно здесь»³⁸.

У нас, в стране, израненной острейшими межнациональными конфликтами, хорошо понятна опасность недооценки «экспрессивного измерения этничности»

(Л. Джайасурия), мы жестоко наказаны и за бесцеремонное обращение с языками, традициями и разными формами духовности народов, и за жупел «культурной автономии», приносившейся в жертву плоско понятому интернационализму. И приглядываясь к австралийскому опыту этнической политики, думаешь, что нам, в СНГ ли, в Российской ли Федерации, пригодились бы такие элементы мультикультурного механизма, как постоянный радиотелевизионный форум, программы мультикультурного образования в школах, антидискриминационные структуры, банк данных и, быть может, в первую очередь четкий общественный акцент на значимости культур всех этносов, обосновавшихся под одной государственной крышей. Мультикультурализм изменяет подход к инородцам: в них начинают видеть не только рабочую силу, ловких дельцов, несчастных изгнанников, но и носителей необычных культур, интересных в этом качестве.

Культура Австралии интенсивнее, чем прежде, обогащается новыми красками, впитывая европейские и азиатские традиции уже из местных источников, расширяя географию познания, переосмысливая привычное, но отраженное в зеркалах национально-своеобразного миропонимания. Заметным феноменом литературы стало творчество иммигрантов и их ближайших потомков, именуемое этническим или мультикультурным — рамки статьи не позволяют включиться в дискуссию о разграничении этих достаточно условных определений. Этническое творчество отличается, что вполне естественно, пристальным вниманием к судьбе иммигранта в Австралии, но не исчерпывается иммигрантской темой, тяготея, как и подобает искусству, к вечным проблемам бытия и ничем не ограничивая себя в выборе объекта изображения, чувства и мысли.

В 80-е годы один за другим появляются сборники произведений писателей из среды иммигрантов небританского происхождения: «Этническая Австралия» (1981), «Перемещения: рассказчики-иммигранты» (1982), «Сила традиции. Рассказы об иммигрантах в Австралии» (1983), сборники произведений писательниц-иммигранток, писателей какой-либо этнической группы и др. Среди уроженцев зарубежья наблюдается тенденция к дву- и даже полиязычию. Немец Манфред Юргенсен пишет стихи и романы и на родном языке, и на английском. Нередки двуязычные публикации с параллельными текстами. Уроженцы Австралии, хотя и небританского происхождения, пишут по-английски. Этническое начало может быть выражено в изображении жизни общины, в мотивах наследия и духовной связи с землей предков, в самой художественной ткани. Эта литература — перекресток культурных влияний и соприкосновений, и простое перечисление писателей, получивших большую или меньшую известность, указывает на высокий уровень межкультурного общения: Димитрис Цалумас, самый маститый из греческих поэтов Австралии; Антигона Кефала, гречанка из Румынии, чья повесть для детей «Алексия» имеет подзаголовок «Повесть о двух культурах»; еще одна гречанка, Вассо Каламарас; Руди Краусман из Австрии и Лоло Хоубейн из Голландии; Мария Левитт из Польши и турки Гюн Генсер и Нихат Зиялан; недавно появившиеся на литературной сцене выходцы из стран Юго-Восточной Азии, а из поколения выросших в Австралии — Анжело Лукакис, Фей Цвики, Гари Каталано, Питер Скшинецкий. Австралийский совет субсидирует журнал мультикультурной литературы «Аутрайдер». Среди литературных премий, присуждаемых премьером Нового Южного Уэльса, предусмотрена награда и за лучшую «этническую книгу». Но пробиться в печать «этническому» писателю очень непросто, как, впрочем, и англоавстралийцу.

Два десятилетия мультикультурной политики, естественно, не могли устранить маргинальность существования этнических меньшинств, изжить расизм шовинизм, национальные предревубждения и подозрения. Разрыв между концепциями и практикой существует, и, видимо, немалый. Боязнь «геттоизации» предпочтение, вольное или невольное, ассимилированного иммигранта, недовольство тратами казны на нужды иммигрантов — все это есть. На тонком

льду межнациональных трений легко поскользнуться, и не случайно иммиграционная политика, этот сиамский близнец австралийского мультикультурализма, так часто требовала смены министров.

Но Австралия не отказывается от движения к обществу, гармонично объединяющему многие этносы. Какие-то мультикультурные штрихи оставили след и в памяти автора этой статьи, побывавшего на берегу дальнем в начале 70-х и в конце 80-х годов. Теплота землячества в греческом клубе. Культурный центр сиднейского пригорода, где выступает Франка Арена, красивая и обаятельная уроженка Генуи, которая прошла путь от диктора передач Сиднейского радио на итальянском языке до парламентария, члена Законодательного совета штата. Выставка картин самодельных художниц из поселка аборигенов под названием Утопия, что в двухстах с лишним километрах от города Алис-Спрингс — по инициативе Центральноавстралийской ассоциации средств информации аборигенов женщины впервые использовали холст для своих творческих фантазий. Небольшой, пахнущий пряностями магазинчик, где океанийцы, живущие в Сиднее, — фиджийцы, самоанцы, тонганцы — могут купить плоды и овощи, входящие в традиционное островное меню, и газеты островных государств.

Центр постколониальных литератур в университете им. Маккуори, во главе которого стоит Ясминe Гунаратне, обладательница высшей научной степени и писательница, в документальном жанре рассказавшая о своих выдающихся цейлонских соотечественниках.

«Земля обетованная» Анджея Вайды и «Белая птица с черной отметиной» Юрия Ильенко на экране этнического телевидения.

Гостеприимный дом с садом в Канберре, хозяин которого Александр Дмитриевич Гришин — автор солидных работ и по современной живописи Австралии, и по искусству России — от строгановских икон до творчества Эрнста Неизвестного. Перед семейным ужином его дочка, школьница Наташа, чуть запинаясь, произносит по-русски слова молитвы: «Хлеб наш насущный даждь нам днесь».

Среди вороха объявлений в кампусе старейшего Сиднейского университета — обращение студенческого комитета по борьбе с расовой дискриминацией: каждого, кто подвергся расовому оскорблению, просят позвонить по указанному телефону...

Примечания

¹ Этническая структура населения Австралии рассмотрена в книге: Пучков П. И. Этническое развитие Австралии. М., 1987.

² См.: Zubrzycki J. Multicultural Australia//The Australian People. An Encyclopedia of the Nation, Its People and Their Origin. Sydney, 1988. P. 128.

³ Year Book Australia. Canberra, 1989. № 73. P. 152.

⁴ The Australian People. P. 971—972. Точную численность этнических групп указать трудно: данные самоидентификации не всегда совпадают с показателями места рождения и языка. Так, из 185 тыс. австралийцев, заявивших о своем китайском происхождении, 29 тыс. родились в Малайзии, 28 тыс. — в Китае, 28 тыс. — во Вьетнаме, 24 тыс. — в Гонконге, 5 тыс. — в Камбодже, есть выходцы из Науру, СССР, Великобритании, Африки (см.: The Chinese in Australia//Fact Sheet on Australia. Canberra. 1990. № 53).

⁵ См.: Price Ch. Russians in Australia: A Demographic Survey//Russia and the Fifth Continent. Aspects of Russian-Australian Relations. St. Lucia, 1992. P. 78. О судьбах российской эмиграции в Австралии см.: Рудницкий А. Ю. Другая жизнь и берег дальний. Русские в австралийской истории. М., 1991.

⁶ См.: Castles St. et al. Mistaken Identity. Multiculturalism and the Demise of Nationalism in Australia. Sydney, 1988. P. 50.

⁷ Цит. по: Sherington G. Australia's Immigrants. 1788—1978. Sydney, 1980. P. 12.

⁸ Refugees//Fact Sheet on Australia. Canberra, 1981. November.

⁹ Year Book Australia. Canberra, 1991. № 73. P. 126—128.

¹⁰ Collins J. Immigration and Class: the Australian Experience//Ethnicity, Class and Gender in Australia/Eds Bottomley G., Lepervanche M. de. Sydney et al., 1986. P. 12.

¹¹ См.: Kalantzis M., Cope B. Multiculturalism and Education Policy//Ethnicity, Class and Gender in Australia. P. 82—83.

- ¹² *Lewins F.* Assimilation and Integration//The Australian People. P. 856—858; см. также: *Collins J.* Migrant Hands in a Distant Land: Australia's Post-War Immigration. Sydney; London, 1988. P. 231.
- ¹³ Цит. по: *Sherington G.* Op. cit. P. 125.
- ¹⁴ См.: *Jupp J.* Upwards, Downwards or Just Round and Round: Multicultural Public Policy in Australia//Australia Towards 2000. L., 1990. P. 126.
- ¹⁵ Ibid. P. 123.
- ¹⁶ См.: *Jakubowicz A.* Ethnicity, Multiculturalism and Neoconservatism//Ethnicity, Class and Gender in Australia. P. 30—31, 39—40.
- ¹⁷ *Zubrzycki J.* Public Policy in a Multicultural Australia//International Migration. 1987. V. 25. № 1. P. 65.
- ¹⁸ Ibid. P. 68—69.
- ¹⁹ *Hawke R.* Building the Best Country on Earth//Australian. 1988. 26 January.
- ²⁰ *Blainey G.* All for Australia. Sydney, 1984.
- ²¹ Surrender Australia? Essays in the Study and Uses of History. Geoffrey Blainey and Asian Immigration/Eds Markus A., Ricklefs M. Sydney, 1985.
- ²² *Blainey G.* Triumph of the Quiet Majority//The Weekend Australian. 1988. 30—31 January.
- ²³ См.: *Jupp J.* Op. cit. P. 134.
- ²⁴ См.: *Castles S.* Immigration and Multiculturalism. Perspectives for the 1990s//Migration Action. 1990. March.
- ²⁵ См.: *Castles S. et al.* Mistaken Identity. P. 13.
- ²⁶ National Agenda: the State of Play//Migration Action. 1990. March.
- ²⁷ См.: *Farkas L.* Multicultural Australia and Immigration Studies//Migration Action. 1991. July.
- ²⁸ *White P. B., White N. R.* The Mass Media and Immigration//The Australian People. P. 911.
- ²⁹ Здесь и далее — в австрал. долл.
- ³⁰ См.: *Cahill D.* Education of Immigrants and Ethnic Education//The Australian People. P. 881.
- ³¹ Year Book Australia. № 75. P. 363.
- ³² *Kalantzis M., Cope B.* Op. cit. P. 92—96.
- ³³ См.: The Australian Magazine. 1988. 19—20 November. P. 10—13; Racial Harassment Towards the Arabic and Muslim Communities//Migration Action. 1991. April. P. 28—31.
- ³⁴ *Cohen B.* The End of Racism?//The Bulletin. 1991. 6 August. P. 75.
- ³⁵ *Matheson A.* Community Relations: Reinventing the Wheel in the 1990s//Migration Action. 1991. April. P. 3—7.
- ³⁶ Для российского австраловедения это — новая тема, которую впервые осветил К. В. Малаховский в книге «Австралия. Время перемен?» (М., 1988).
- ³⁷ *Jayasuriya L.* Rethinking Australian Multiculturalism: Towards a new Paradigm//The Australian Quarterly. 1990. Autumn. P. 53.
- ³⁸ *Gunew S.* Multiculturalism is for Everyone: «Australians» and «Ethnic» Others//Australia Towards 2000. P. 102.

Australian Multiculturalism: Experience of Ethnic Policy

The article traces the development of multiculturalism in Australian public life, primarily as the ethnic policy introduced under the Whitlam government (1972—1975) and carried on since by both leading parties, Labourists and Liberals. A brief outline of the after 1945 immigration to Australia throws light on the emergence of multiculturalism as response to the problems brought about by the transformation of the predominantly Anglo-Saxon, or at least British society into a polyethnic one.

Dealing with controversy and criticism aroused by the concepts and practice of multiculturalism, author notes the evolution of «the policy for immigrants» towards «multiculturalism for all» relying on the positive interaction of cultures.

The mechanism of multicultural policy is characterized (federal and state structures, system of education, ethnic mass media, voluntary ethnic organizations).

Australian experience aimed at satisfying particular interests of ethnic groups and preserving by that social and national cohesion might be considered in settling certain problems of ethnic development in Russia, or CIS.

A. S. Petrikovskaya